

О русских и русскости.

3.

А что же «русский вопрос»? Как этот «вопрос» повлиял на процесс распада СССР? – Через двадцать лет, конечно, можно трактовать исторические факты самым произвольным образом. Кто-то, разумеется, расценивает распад СССР как итог национально-освободительной борьбы народов союзных Республик за своё освобождение от колониальной зависимости, от «российской империи» или «советского тоталитаризма». Позиция этих националистических сил бывших Республик понятна и имеет некое логическое обоснование. Гораздо менее логична позиция тех, кто видит в распаде СССР какое-то «освобождение русского народа» от самого себя. Сначала утверждают, что «была российская империя», а потом говорят о «стремлении русских отделиться»? От кого? Для чего? – Для развала «империи» этим же «имперским народом», этой же «имперской нацией»?! – Всё было иначе! – Чтобы отобрать власть у М. Горбачёва и КПСС нужен был некий правовой предлог. Таким предлогом Б. Ельцин и его окружение и выбрали самоотделение русских из «советского народа». Другого выхода у них не было. Позиция М. Горбачёва была однозначна: власть у меня можно отобрать только тогда, когда вы развалите Советский Союз. Этот политический шантаж М. Горбачёва и завершился неизбежным распадом. А чего было ждать, если сам президент СССР совершенно не был озабочен сохранением СССР, а заботился лишь о сохранении своей власти любой ценой?! – Вот, РФ и провозгласила суверенитет... А уже потом началось изобретение неких качеств «русского человека», которые, якобы, требовали такого отделения. Разумеется, были и такие, которые тоже не хотели быть СОВЕТСКИМИ ЧЕЛОВЕКАМИ, а желали стать этническими РУССКИМИ. Но таких было не много. И позиция этих людей, в большей мере, была только ответной реакцией на усиливающийся националистический нажим со стороны жителей союзных Республик. Гораздо активнее были процессы, основанные на противостоянии Центра, как тогда говорили, и «российской глубинки». И это понятно, ибо Центр ещё «жировал, а заброшенные окраины уже остро ощущали экономический кризис социализма. - О каком «русском вопросе» тогда можно было говорить?! – Нигде, пожалуй, ни в одной из бывших Республик СССР, так нелепо и абсурдно не звучит это российское «провозглашение своей независимости». От кого стала НЕЗАВИСИМОЙ РФ? – Здесь можно лишь говорить, что Россия ОСВОБОДИЛАСЬ от СОЦИАЛИЗМА, от собственного ПРОШЛОГО, от своей ИСТОРИИ. Можно говорить, что ГОСУДАРСТВО РФ обрело независимость от ответственности за судьбу ОБЩЕСТВА или народа. Верно и то, что Россия обрела независимость от ответственности за судьбы миллионов русских, брошенных и забытых на некогда общей территории. – В этом смысле, День России является праздником. - Но этот праздник не для всех. – В национальном же смысле, это, якобы, «обретение независимости» или «становление молодой государственности» - явления, уже характеризующие состояние умственной деградации общества и утраты исторической памяти. – Сама идея некоего национального самовозвеличивания совершенно не присуща русскому народу. И роль «русского национализма» в распаде СССР совершенно надумана. Не русский народ и не русский национализм стремился уничтожить СССР. Можно, разумеется, говорить, что русские не смогли противостоять этому процессу, но это уже иной аспект вопроса...

Но совершенно иные процессы шли в союзных Республиках и эти процессы, действительно, подталкивали к распаду СССР. Наиболее активными сторонниками распада СССР были прибалтийские Республики. Позиция этих Республик была ясна и однозначна: быть в СССР они не хотели и хотели распада СССР. А, вот, на позицию других Республик оказала своё мощное влияние позиция РСФСР, Украины и Белоруссии. И утверждать, что именно союзные Республики развалили СССР тоже нельзя. – Разваливали общими усилиями! – А уже потом, для окончательного становления новых национальных государств, и были брошены все силы на создание собственной ИСТОРИИ, на поиск особенностей и отличий собственной НАЦИИ, на поиск эталона ЧИСТОКРОВНОСТИ. Идея «национальной чистокровности» стала мощным инструментом в борьбе за власть и раздел собственности. Всё это вело к борьбе с «русскими», с «интернационализмом», с «имперскими амбициями», вело к идеологической войне против «русскости», к изгнанию русских. Вопрос о «чистокровности нации» стал доминировать над

социальными проблемами в новых государствах, позволяя безнаказанно властвовать и обогащаться новым «чистокровным» хозяевам.

Один из способов такой идеологической войны реализовался в концепции о национальной неполноценности русских. Появились «исторические труды», где «научно» доказывалось неправомерность существования русских как таковых. Сама эта тема стала нарочито навязываться как государственными или полугосударственными идеологическими структурами бывших Республик, так и всевозможным форумным отребьем, жаждущим всеобщего внимания и «горячих тем». В крайних своих проявлениях, эта «национальная политика» этих «чистокровных» особей вообще уже откровенно направлена на разрушение России, на уничтожение того «постыдного прошлого», которое мешает воцарению «национальной идеи» и национальной ИСТОРИИ в этих новых национальных государственных образованиях. В высказываниях самых «чистокровных» патриотов, обиженных при раздаче интеллекта, это проявляется достаточно отчётливо. И стратегический замысел этих идеологических врагов русского народа тоже ясен. В этих рассуждениях, из прошлого и настоящего, «задача» для русских националистов сформулирована инородцами-националистами совершенно отчётливо: осознайте свою полную разобщённость, придумайте себе «чистокровную» нацию, откажитесь от фикции «русская нация» и – в этом весь замысел – РАЗВАЛИТЕ РОССИЮ на государства, где будут жить только «чистокровные» этнические нации. – Смогут ли чистокровные гвардейцы «русского национализма» выполнить поставленную им «задачу», покажет ход истории.

Так что же такое, этот «национальный вопрос» в начале третьего тысячелетия, по европейскому летоисчислению? - Вопрос этот ныне – вопрос острый, сложный и многократно обсуждаемый на разных информационных площадках. На иных форумах такой разговор даже и невозможен – всё мгновенно переходит в ругань, в забрасывание друг друга невообразимо длинными кусками исторических текстов или ссылками на каких-то авторов. Но и сама проблема есть – идёт мощнейшая атака со стороны врагов известных и «старых», но и новоявленные идеологи новоявленных независимых государств тоже усердствуют. О чём с ними говорить? - Конечно, нужно было бы поговорить с ними именно о НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ. - Все эти господа, рассуждая на форумах об отсутствии в реальном мире «настоящего» русского человека, почему-то очень не любят говорить о своей национальности, о собственной «исторической чистокровности», о конкретном народе, представителями которого они являются! – Какие такие качества и заслуги, характерны и присущи вашим нациям? Какие ваши национальные таланты, герои или гении всему миру известны? Ваши-то, в чём национальные особенности? – И почему вам всё о других поговорить хочется, если уж сбылись ваши мечты о национальном самоопределении? - Почему? Хочется спросить их: ПОЧЕМУ?

Что же говорит нам нерусь? – О, говорят они много и пылко! Говорят красноречиво. Говорят так вдохновенно, что иногда даже заходятся! – Да, что там, «русских нет!» – Им же и само слово «русский» представляется ущербным! – Русский – говорят они – это даже не существительное, это – ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ. В то время, когда у всех цивилизованных народов используются имена существительные, у русских используется только лишь некое прилагательное – РУССКИЙ. – И то, правда! Всё у нас своеобразно. – Вот, скажем, говорит француз, что он француз, и понятно: француз = человек, а человек = француз. Тут целая философия! – Мироззрение особое! – Вот, для пояснения...

«Я говорю о европейской цивилизации: несомненно, что такая цивилизация существует, т. е. что в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, она обуславливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам. Итак, европейская цивилизация существует; исследование ее и составляет предмет наших лекций. С другой стороны, очевидно, что эту цивилизацию нельзя искать в каком-либо одном европейском государстве, что история ее не может быть изучена из истории какой-либо одной страны. При всем единстве, она бесконечно нюансирует; она никогда не развивалась вполне в одном каком-нибудь государстве. Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании. Мы находимся в весьма благоприятных условиях

для изучения европейской цивилизации. Без лести можно сказать, что Франция была центром, фокусом европейской цивилизации. Несправедливо было бы утверждать, что Франция всегда во всех отношениях шла во главе наций. В иные эпохи она, например, в отношении к искусствам уступала Италии, в отношении политических учреждений — Англии. Может быть, нашлись бы и другие страны Европы, которые в известные периоды стояли в некоторых отношениях выше Франции; однако нельзя не признать, что каждый раз, когда Франция видела себя отставшею на каком-либо поприще, она обретала в себе новую силу, быстро устремлялась вперед и снова становилась в ряд с прочими государствами или даже во главе их. Этого мало: все идеи, все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространялись, обобщались, применялись на практике и вообще начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции; отсюда уже, как из второй своей родины, они овладевали всею Европою. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение.

В духе французского народа есть нечто общительное, симпатичное, нечто сообщающееся другим нациям с большою легкостью и энергиею. Язык ли наш, особенность ли нашего ума и нравов тому причиною, но наши идеи популярнее, яснее представляются массам и легче проникают к ним, чем идеи, выработанные в какой бы то ни было другой стране. Словом — ясность мысли и общность идей составляют отличительный характер Франции и ее цивилизации, и эти качества давали ей, преимущественно пред другими государствами, возможность идти во главе европейской цивилизации. Итак, при изучении истории этой цивилизации, мы не по произволу и не в силу общепринятого обыкновения избираем Францию средоточием нашего анализа; но исключительно в силу того, что мы становимся таким образом как бы в центре самой цивилизации». Франсуа Пьер Гильом Гизо. «История цивилизации в Европе».

Впрочем, и самый скромный англичанин тоже так мыслит: англичанин = человек, а человек = англичанин! — А у нас — прилагательное! — Весь вопрос в том, к чему это прилагательное ПРИЛАГАЕТСЯ? — Среди рода человеческого, цивилизованного и не цивилизованного, европейского и «азиатского», есть люди, есть такие ЧЕЛОВЕКИ, которые считают себя русскими. Русский? — Это прилагательное? — Безусловно! — И это прилагательное ПРИЛАГАЕТСЯ к существительному: ЧЕЛОВЕК.

И тут уж формула «немец = человек, а человек = немец», перестаёт действовать. Тут уж — русский человек = разновидность человека. И тут уж не скажешь: человек = русскому. — Тут иной подход, иной взгляд на людей, иное мировоззрение, упрятанное в самом русском языке, в языке народа! — Потому мы и говорим: «русский ЧЕЛОВЕК». Говорим так, потому, что знаем и признаём наличие многих других и равноправных с нами ЧЕЛОВЕКОВ. Так уж исторически сложилось, что русские жили и живут рядом и среди множества других людей. Более того, мы и сами многолики и образовали свою национальную общность из множества человеческих племён. Этот РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК — нечто собирательное. Это — многоликое единство многообразных составляющих.

А что нерусь?! — И она очень любит это прилагательное куда-нибудь ПРИЛАГАТЬ! — Нет! Прилагать не к НАЦИИ или НАРОДУ! Они такого приложения не допускают! — Зато они, доказав как дважды два, что русских, как нации, нет, тут же начинают прилагать куда-нибудь то, чего нет. — Вы когда-нибудь слышали о «североевропейском расовом» фашизме? А о «финно-угорском» национализме? О «финно-угорском» фашизме? — Нет?! — Ну, разумеется! — Есть такая нация: РУССКИЕ? — Отвечают: нет! — О русской нации не все слышали... Зато все слышали о РУССКОМ фашизме, о РУССКОМ национализме, о русском убожестве, о русском пьянстве? — О ком это?! И о чём?! — Это что: РУССКОЙ НАЦИИ нет, а русский фашизм ЕСТЬ?!

Лицемерие подхода к вопросу «о существовании русской нации» более чем очевидно. — Всякий раз, говоря о грехах или преступлениях, нерусь вспоминает о реальности существования русских и русской нации. Всякий раз, говоря о национальных достоинствах или исторических заслугах, нерусь тут же начинает утверждать, что русской нации не было и нет. — Получается, что все достижения и успехи РФ, России и СССР являются заслугой только всех инородцев, а все «тоталитаризмы» являются плодом бытия русской нации. — За всем этим словоблудием по

национальному вопросу совершенно явственно просматривается мощная мировоззренческая атака на РУССКОСТЬ. Ведь, и попытка уравнивать в качестве чего-то однородного два совершенно различных явления «фашизм» и «советский тоталитаризм» тоже направлена именно против русского народа и русской нации. Если РФ стала правопреемницей России царской (выплатив и царские долги) и СССР, то ГРЕХОПРЕЕМЛИЦЕЙ за всю нашу совместную историю стала русская нация. Из «советского народа» уже окончательно выделились «жертвы тоталитарного режима», они стали нациями, которые не несут ответственности за общее историческое прошлое, они – только «жертвы». – Но кто же ПАЛАЧ? – Разве все обвинения в адрес «тоталитарного режима» не направлены на русских и русскость?! – КТО реально и на деле осуществлял этот «тоталитарный режим», кто несёт ответственность за «преступления тоталитарного режима»? – Инопланетяне? – Или «советский народ»? – Так его уже нет! – «Жертвы» из него выделились и признавать с ним своё кровное родство категорически отказываются! – Ясное же дело, что не грузины оккупировали Прибалтику, а литовцы не оккупировали Грузию! – Так, кто же палач?! – Если «фашизм» и социализм, который именуется ныне «тоталитарным режимом», являются однородными и равнозначными явлениями, кто исполнитель, кто ПАЛАЧ и против кого были направлены все преступления этого палача?! – А роль ПАЛАЧА отводится русским! – Все остальные – «жертвы тоталитаризма»! – А одна из «жертв» – Украина – на законодательном уровне вынесла вердикт о геноциде украинцев со стороны тоталитарного режима. – Кто проводил этот «геноцид» украинского народа? – Грузины? Эстонцы? Таджики? Или украинцы? – Понятно, нет! – Тогда, кто?! – И все эти лицемерные, двусмысленные формулировочки ничего в сути обвинений не меняют: все нации бывшего СССР остаются «жертвами», а русский народ – ПАЛАЧОМ. – Разве это не понятно? Разве это не очевидно?! – Позиция нынешней политической власти РФ понятна и естественна – эта власть должна обосновывать свою мировоззренческую правомерность и собственную политическую эффективность за счёт очернения прошлой «нецивилизованной и преступной власти». – Ужас НАСТОЯЩЕГО должен быть перечёркнут КОШМАРАМИ ПРОШЛОГО. – С правящим классом всё понятно! – Непонятна позиция русского национализма и русских националистических группировок... Вы-то чего добиваетесь?! – Неужели не ясно, что все ругательства, все проклятия, все обвинения в адрес «тоталитарного прошлого» направлены на русский народ, на русскую нацию?! Неужели это не ясно?! – Других ответственных наций нет! – Все отделились! И все именуют себя «жертвами»! – Ответственности никто, кроме русских, не несёт! – Неужели не ясно, что такая позиция по отношению к собственному прошлому является самобичеванием и самолинчеванием русской нации?! – Я ещё могу понять «идеологов» и «лидеров» современного русского национализма – у них свои личные цели, личные устремления и свои источники дохода. Но трудно понять людей, которые искренне считают себя русскими и гордятся этими особыми качествами особой нации – русской нации. Как могут честные и порядочные русские националисты не видеть очевидного в действиях разных лидеров националистического толка?! – Разве не ясно, что все эти бесчисленные и бесконечные проклятия в адрес недавнего прошлого направлены на разобщение русской нации?! Разве это непонятно?! – И разве «возрождение нации» может идти через натравливание и противопоставление одной части нации и другой её части? Разве сила национальная в разобщённости русской нации? Разве не понятно, что «тоталитаризм» может существовать только как РУССКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ, который старательно и настойчиво враги русского народа пытаются отождествить с ФАШИЗМОМ? – И если это удастся, разве не ясно, что этот «фашизм» очень быстро станет РУССКИМ ФАШИЗМОМ? Неужели это так трудно понять? – Всем, как будто, понятно, что нельзя пилить сук, на котором сидишь... а гадить на него можно?! – И это называется «русским национализмом»?! Вполне ясно, что отношение к национальным вопросам всегда было индивидуально и субъективно. Кто-то придаёт этим вопросам особое внимание, а для кого-то этих вопросов как бы и не существует. Тем не менее, возникают исторические ситуации, когда национальный вопрос обретает особую значимость. Так, например, советский народ сплотился в войне с фашизмом, когда то, что разделяло, было отодвинуто на второй план перед общей угрозой. В такие особые исторические моменты национальный вопрос начинает играть особую роль в определённой трансформации всего национального самосознания этой общности людей, сплочённых в единую

нацию. – Можно ли считать, что нынешний этап жизни РФ является таким этапом? – Приходится! – Слишком многое говорит именно об этом.

Разумеется, в позиции русского национализма может многое раздражать. Со многим трудно соглашаться. Да и само обоснование существования «чистокровных этносов» чрезвычайно зыбко. Можно, конечно, находить некие типичные черты народов, но всё, ведь, очень изменчиво. Такое обоснование, например, пытался сформулировать **Николай Яковлевич Данилевский** (1822-1885) в труде «**Россия и Европа**». Рассмотрим эту попытку...

Различия в характере народов, составляющих самобытные культурно-исторические типы, те различия, на которых должно основываться различие в самих цивилизациях, составляющих существенное содержание и плод их жизненной деятельности, могут быть подведены под следующие три разряда: 1) под различия этнографические; это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов; 2) под различия руководящего ими высшего нравственного начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художественной, так и со стороны общественного и политического строя; 3) под различия хода и условий исторического воспитания народов. С этих трех точек зрения и будем мы рассматривать особенности славянского, и в особенности русского, характера, так как пока один русский народ достиг политической самостоятельности и сохранил её - условие, без которого, как свидетельствует история, цивилизация никогда не начиналась и не существовала, а поэтому, вероятно, и не может начаться и существовать. Цель, с которой мы займемся этим рассматриванием, будет заключаться в том, чтобы оценить, достаточно ли велики эти различия для того, чтобы славянские народы могли и должны были выработать свою самобытную культуру, под страхом утратить значение исторического племени в высшем значении этого слова.

Приступая к определению некоторых существенных черт этнографического различия народов славянских от германских, мы встречаем прежде всего на нашем пути физиологическое различие, которое, по мнению некоторых антропологов, проводит резкую, глубокую черту между племенем славянским и племенем германо-романским, что, с нашей точки зрения, должно бы быть нам на руку. Но вместе с тем это физиологическое различие относит нас к числу низших племен человеческого рода и таким образом устраняет от притязаний на высшую степень культурного развития, как бы обрекает на роль служебного этнографического материала. Я понимаю здесь Ретциусово деление человеческих племен на длинноголовых и короткоголовых. Нечего говорить, что наши многочисленные доброжелатели сильно напевают на это будто бы унижительное для славян различие. Как бы в параллель ему немецкий историк Вебер, соответственно рифмованному разделению сословий, государств и вообще обществ на *Lehr-, Wehr- и Nahrstand*, разделяет на те же классы и народы, населяющие Европу, в общепринятом смысле этого слова, и, конечно, относит славян к нэр-, а немцев к лэр-штанду, т. е. обрекает славянское племя на материальный труд в пользу высших племен. Рассмотрим же знаменитое Ретциусово деление: к чему-то оно нас приведет?

Кроме длинноголовости, при которой продольный диаметр головы, от лба к затылку, превосходит поперечный, по крайней мере, в отношении 9 к 7, и короткоголовости, при которой это отношение превосходит 8 к 7, принимает Ретциус в основу своего деления еще другой признак, заключающийся в направлении передних частей челюстей (зубных отростков) и передних зубов. Зубные отростки челюстей и зубы могут лежать в вертикальной плоскости, что составляет прямочелюстность (*orthognathismus*), или они могут иметь косое, выдавшееся вперед направление - косочелюстность (*prognathismus*). Эти характеры направления челюстей и зубов, в соединении с длинноголовостью и короткоголовостью, дают повод к установлению четырех отделов, по которым племена человеческого рода размещаются следующим образом:

Длинноголовые прямочелюстные. Индийцы (арийского корня), иранцы, немцы, кельты, греки, римляне, евреи, аравитяне, нубийцы, абиссинцы, берберы, финны, восточные американские племена, населяющие равнины Северной и Южной Америки (называемые Латомом американскими семитами).

Длинноголовые косочелюстные. Негры, кафры, готтентоты, копты, жители Новой Зеландии, эскимосы и гренландцы.

Короткоголовые прямочелюстные. Славяне, литва, тюркские племена, лапландцы, баски, ретийцы, албанцы, древние этруски.

Короткоголовые косочелюстные. Китайцы, японцы, монголы, малайцы, полинезийцы, папуасы и американские кордильерские народы, к которым относятся и древние перуанцы (по Латаму, американские монголы).

Прежде всего нельзя не заметить, что такое деление имеет совершенно характер искусственности. Здесь выставляется одно насквозь проникающее начало, которое, как это обыкновенно бывает, соединяет разнородное и разделяет сродное в других отношениях; так, например, строго придерживаясь этого деления, пришлось бы разнести южных и северных немцев в разные классы человечества, так как только последние длинноголовые, первые же короткоголовые.

Как согласовать это деление с делением по цвету кожи, по свойствам волос, по Камперову личному углу и, наконец, с делением лингвистическим? Здесь все подчиняется одному признаку, которому придается преобладающее значение. Если славяне, невзирая на то, что говорят арийскими языками, имеют особую форму черепа, то необходимо принять, что они заимствовали свой язык от какого-нибудь длинноголового арийского племени, говорившего славянским языком, конечно, весьма многочисленного и могущественного, если оно могло передать свой язык такому крупному отделу человечества, имевшему, в сущности, тюркское происхождение, так как по соседству тех мест, где теперь живут или прежде жили славяне, только одни тюркские племена соединяют характер короткоголовости с прямочелюстностью. Как же не осталось никаких следов от этого коренного праславянского племени? Из этого, казалось бы, всего ближе заключить, что отношения между продольным и поперечным диаметром черепов хотя могут и должны быть принимаемы в число антропологических признаков, характеризующих группы человеческого рода, но не могут иметь того преобладающего значения, которое им придается. Сохраним, однако же, за ним это преобладающее значение и посмотрим, какие делают из него выводы.

Народы, достигшие высшей культуры, как арийского, так и семитического племени, в древние и новые времена, все принадлежат и принадлежали к числу длинноголовых; следовательно, короткоголовые славяне не принадлежат к числу высших племен человечества. Такое заключение было бы весьма приятно пану Духинскому, но, к сожалению, если по этому взгляду русские - туранцы, то такие же туранцы и поляки, так что *volens nolens* и им приходится разделять эту судьбу наравне с русскими и со всеми славянами. Но если какое-либо явление может быть одинаково хорошо истолковано двумя различными способами, двумя различными предположениями, то, конечно, каждый имеет полное право принимать то истолкование, которое ему более нравится.

Из того, что до сих пор только длинноголовые племена достигали высшей степени культуры, можно, конечно, заключить, что короткоголовость составляет некоторое к тому препятствие, указывает на меньшую способность к высшему развитию; но можно также заключить, что это произошло лишь оттого, что короткоголовые славяне, позже попав в благоприятные для культуры обстоятельства, позже начав развиваться, еще не успели произвести той культуры, к которой они, по задаткам своей природы, способны; можно заключить, что так как ведь история еще не закончена, то, сообразно с общим законом природы, высшим *формам* принадлежит высшее же, но позднейшее развитие. Первое толкование имело бы еще некоторое преимущество на своей стороне, если бы славянское племя, не достигши в целом высшей степени культуры, не представляло бы и отдельных примеров высшей даровитости. Но славяне произвели таких гениальных ученых, как Коперник, таких религиозных реформаторов, как Гус, таких государственных мужей, как Иоанн III, Петр Великий, таких поэтов, как Пушкин, Гоголь, Мицкевич, таких полководцев, как Суворов, таких деятелей просвещения, как Ломоносов. Следовательно, в задатках к высшему человеческому развитию нет недостатка в славянском племени. Чтобы заставить нас принять первое толкование, надо бы доказать, что короткоголовость составляет уже

сама по себе признак низшей организации и что вышеприведенные примеры высокоодаренных короткоголовых личностей - суть только случайное исключение, может быть, результат какой-нибудь племенной помеси. Но внутренней причины, по которой бы преимущественное развитие черепа в продольном направлении стояло выше, нежели более равномерное развитие обоих горизонтальных диаметров, не найдено. Остается, следовательно, обратиться к самому систематическому расположению классифицируемых племен. Оно показывает нам, что из двух признаков рассматриваемого нами деления один - направление челюстей и зубов - может служить к бесспорному установлению степеней совершенства между племенами человеческого рода, именно: племена прямочелюстные стоят бесспорно выше племен косочелюстных. Этот признак устанавливает в человеческом роде деление горизонтальное. Вопрос о том, можно ли приписать и другому принципу деления, основанному на отношении диаметров черепа, такой же иерархический характер? Если допустим это предположение, то увидим, что между низшими косочелюстными племенами человеческого рода превосходство, очевидно, принадлежит короткоголовым, так как китайцы, монголы, малайцы, полинезийцы стоят гораздо выше негров, кафров, готтентотов и жителей Новой Голландии, составляющих самые низшие людские расы; а если это так, то очевидная аналогия заставляет признать, что короткоголовость должна сохранять то же преимущество и между племенами прямочелюстными, так что восходящий порядок племен человеческих представлялся бы нам в следующем виде:

Косочелюстные длинноголовые племена (негры и пр.). Косочелюстные короткоголовые племена (монголы и пр.).

Прямочелюстные длинноголовые племена (европейцы и пр.).

Прямочелюстные короткоголовые племена (славяне и пр.).

Если кто не захочет принимать этого вывода, к которому нас приводит самое простое и естественное заключение, вывода неизбежного, если придавать длинноголовости и короткоголовости иерархический характер, то остается признать, что отношение между различными поперечниками черепа вообще не может служить к горизонтальному, а только к вертикальному делению человечества, то есть что оно не дает права устанавливать верхнюю и нижнюю группу, а устанавливает только две боковые, параллельные в своем развитии, группы, так сказать, правую и левую.

Таким образом, Ретциусово деление приводит логически к одному из трех следующих заключений, которые с точки зрения национального самолюбия мы можем все одинаково принять: 1. Или это лишь искусственное деление, не имеющее того преобладающего значения, которое ему приписывается некоторыми, и признаки, на которых оно основано, могут лишь служить вместе с другими для характеристики пород, рас или вообще групп, на которые разделяется род человеческий. Это заключение и кажется мне единственно основательным и разумным. 2. Или оба начала этого деления: направление передних зубов и отношение черепных диаметров суть начала иерархические, определяющие собою степень совершенства рас; в таком случае это первенство принадлежит короткоголовым прямочелюстным племенам, т. е. славянам. 3. Или, наконец, только направление зубов устанавливает степень совершенства между племенами, отношение же между головными диаметрами ведет лишь к вертикальному делению на племена различные, но не на племена высшие и низшие. При этом последнем взгляде мы имели бы, точно так же, как при общезоологическом делении на типы и на классы, два разнохарактерные систематизирующие начала: одно - устанавливающее этнографические типы, не подчиняющиеся друг другу как низшее высшему, а только отличающиеся друг от друга как различное; другое же - устанавливающее этнографические классы, обозначающие степени совершенства организации. После этого небольшого отклонения перехожу к настоящему предмету этой главы.

Верно, определительно схватить и ясно выразить различие в психическом строе разных народностей - весьма трудно. Различия этого рода как между отдельными лицами, так и между целыми народами имеют только количественный, а не качественный характер. Едва ли возможно найти какую черту народного характера, которой бы совершенно недоставало другому народу; разница только в том, что в одном народе она встречается чаще, в другом реже, в большинстве

лиц одного племени она выражается резко, в большинстве лиц другого племени слабо, но эти степени, эта частость или редкость, числами невыразимы. Такой статистики еще не существует. Потому всякое описание народного характера будет походить на тот, ничего не говорящий, набор эпитетов, которым в плохих учебниках истории характеризуют исторических деятелей; потому и выходят эти описания народного характера иногда столь различными у разных путешественников, нередко одинаково добросовестных и наблюдательных. Одному случалось встретить одни свойства, другому другие, но в какой пропорции встречаются они вообще у целого народа, это по необходимости осталось для обоих неизвестным и неопределенным.

Для отыскания таких свойств, которые можно бы было считать поистине чертами национального характера, и притом существенно важными, надо избрать иной путь, нежели простая описательная передача частных наблюдений. Ежели бы нам удалось найти такие черты национального характера, которые высказывались бы во всей исторической деятельности, во всей исторической жизни сравниваемых народов, то задача была бы решена удовлетворительно, ибо если какая-либо черта народного характера проявляется во всей истории народа, то необходимо заключить, во-первых, что она есть черта, общая всему народу, и только по исключению может не принадлежать тому или другому лицу; во-вторых, что эта черта постоянная, не зависящая от случайных и временных обстоятельств того или другого положения, в котором народ находится, той или другой степени развития, через которые он проходит; наконец, в-третьих, что эта черта существенно важная, если могла запечатлеть собою весь характер его исторической деятельности. Такую черту вправе мы, следовательно, принять за нравственный этнографический признак народа, служащий выражением существенной особенности всего его психического строя.

Весьма любопытно и полезно перечитывать тексты далёкого прошлого! Многие в этом прошлом напоминают нам САМОЕ СОВРЕМЕННОЕ настоящее. – И споры те же! И позиции схожи! - Конечно же, не все побегут измерять челюсти у своих этнических оппонентов, а у кого-то вызовут смех эти рассуждения о размерах челюстей как о факторе, формирующем этнос или интеллект человеческий. – А почему это «глупо и смешно»?! – Только лишь потому, что аргументы устаревшие, а доводы наших современников более научны и современны?! – И всё?! – Вчитайтесь в текст! - Разве суть «современного подхода» к национальному вопросу изменилась? Разве не к этому сводятся рассуждения об этносах? Разве не это подразумевается, когда говорится, что Россия «должна стать цивилизованным европейским государством»? – Конечно, степень современной идеологической изощённости другая и уровень лицемерия существенно иной, но что это меняет?! – Многие этнические баталии современности используют именно эти аргументы, эти методы, эти подходы, изменив лишь их «научное» наполнение и обоснование. И цели – те же! – И то же ПРОТИВОСТОЯНИЕ!

Теперь ознакомимся с характеристикой цивилизованной Европы. -

Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть **насильственность** (Gewalt-samkeit). Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего - своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма, чрезмерного чувства собственного достоинства чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии - к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета. Конечно, он имеет и хорошие стороны, составляет основу настойчивого образа действия, крепкой защиты своих прав и т. д. Проследим же события европейской истории, дабы увидеть, действительно ли насильственность составляет одно из коренных свойств германо-романских народов.

Ранее всего проявляется эта насильственность европейского характера в сфере религиозной, так как эта сфера составляла долгое время преимущественный интерес, который преобладал над всеми прочими. Насильственность в религии, т. е. нетерпимость, проявилась одинаково как в племенах романского, так и в племенах германского корня. Первая еретическая кровь пролилась, как известно, на Западе, хотя число ересей было гораздо многочисленнее на Востоке. В 385 году испанский еретик Прискиллиан с шестью сообщниками были пытаны и казнены в Бордо после осуждения их на соборах Сарагосском, Бордосском и Трирском. Православная церковь, в лице Амвросия Медиоланского и Мартина Турского, в ужасе отвратилась от этого преступления. Эта казнь, эта религиозная насильственность, совершенные еще во время Римской империи, еще при общем господстве православия, послужили как бы началом той нетерпимости, которую выказал впоследствии католицизм. Но, может быть, признав казнь Прискиллиана за частный случай, припишут всю религиозную нетерпимость и насильственность последующих веков именно влиянию католицизма, а не воздействию национального характера германо-романских народов на религиозные убеждения и деятельность, как они проявились в средних и в начале новых веков. Но что же такое сам католицизм, как не христианское учение, подвергнувшееся искажению именно под влиянием романо-германского народного характера? Само христианское учение не содержит никаких зародышей нетерпимости, следовательно, нельзя сказать, чтоб оно придало насильственность характеру народов, его исповедующих, как, например, это можно с полным правом утверждать относительно влияния исламизма. Если, следовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то, конечно, не могло ниоткуда заимствовать их, как из характера народов, его исповедующих.

Христианство в чистой форме православия, прилаживаясь к свойствам романо-германского народного характера, обратилось чрез это в католичество. Католичество зародилось, собственно, со времен Карла Великого, когда он своим покровительством утвердил власть римского епископа во всем своем государстве, границы которого почти совпадали с тем, что, собственно, должно называть Европою. До этого времени римские первосвященники пользовались только тем уважением, которое сопряжено было с именем Рима, а также тем, которое они утвердили за собою в глазах покоренных романских народов Италии, Галлии и Испании своею верностью православию, исповедуемому этими народами до покорения их варварами, тогда как варвары-покорители приняли по большей части арианство. Это же уважение, по подобной же причине, начало утверждаться и на Востоке во время гонений, воздвигнутых иконоборцами. Ежели бы папы остались верными догматам православия, то весьма вероятно, что они получили бы не главенство, конечно, но преобладающее влияние и уважение на Востоке, точно так же, как и на Западе; ибо восточные христиане видели бы в них прибежище против деспотизма, который нередко позволяли себе византийские императоры в церковных делах. От посредничества, от звания верховного третейского судьи недалеко, как известно, до преобладания. Папы не могли не видеть открывавшейся пред ними перспективы, которая могла составлять достаточную цель для их честолюбия в то время, когда не были еще изобретены Лжеисидоровы декреталии и, угнетенные ломбардами, римские епископы не могли еще предвидеть ни своего светского владычества, ни учреждения феодально-теократической монархии в Европе, наполовину еще наполненной язычниками, угрожаемой магометанами и представлявшей бессмысленную кровавую неурядицу меровингской Франции. Очевидно, что догматическое различие с Востоком не могло входить в их планы, да оно и не входило. Не папы произвели догматический раскол в церкви, как это превосходно доказано в известной брошюре Хомякова, они только приняли его после долгого сопротивления, а приняв, конечно, и воспользовались им.

Причина догматической разницы между церквами западною и восточною не имеют иного источника, кроме невежества, господствовавшего на Западе в первые века средней истории, и той насильственности характера, которая составляет основу всякого деспотизма, насильственности, считающей, что личное частное мнение достаточно освящается и утверждается тем, что оно есть *наше мнение*. Сопоставление с Востоком являлось как бы унижением в собственных глазах западного духовенства. Таким образом часть - *Церковь западная* - похитила, узурпировала актом насилия права целого - *Церкви вселенской*. В этом, собственно, папы были неповинны.

Второе насилие проявилось в том, каким образом это частное мнение приобрело санкцию общественного догмата на Западе. Это сделал, как известно, Ахенский собор 809 года, который, по понятиям самих католиков, есть не более как собор поместный, решение которого не имело даже на своей стороне санкции папского авторитета. Ходатаем за доставление ему оной явился Карл Великий, действовавший в этом случае по примеру многих восточных императоров с тою, однако же, существенною разницей, что те нередко употребляли свою власть и влияние для доставления перевеса тому или другому православному или еретическому мнению вследствие внутреннего убеждения в его истинности, которого Карл ни в каком случае иметь не мог. В самом деле, догмат об исхождении Святого Духа от Отца только или вместе от Отца и Сына принадлежит к числу таких учений, которые сами по себе не представляют чего-либо ясного уму. То и другое одинаково непонятные, недоступные разуму таинственные учения. Учение Ария могло казаться более понятным, более простым: менее таинственно-возвышенным, чем православное учение о Троице, и потому могло иметь внутреннюю привлекательную силу для умов, склонных к рационализму. То же можно сказать о несторианстве, о монофизитизме и монофелитизме. Еще в большей степени применяется это к иконоборству. Другие учения, как, например, гностицизм, могли, напротив того, иметь мистическую привлекательность для людей, у которых преобладала фантазия. Учение же об исхождении Святого Духа могло составлять убеждение схоластика с изощренным умом, дошедшего до него путем тонких диалектических выводов и различении, или экзегета и эрудита, почерпнувшего его из одностороннего, неполного изучения текстов Писания и писаний отцов Церкви. Но каким образом могло оно составлять предмет внутреннего убеждения для ума столь практического, как Карл Великий, когда притом высший ученый авторитет того времени, имевший это значение не только в глазах всех современников, но и в глазах самого Карла - Алкуин, держался противного, т. е. православного мнения? Очевидно, что у Карла должна была быть иная, менее идеального свойства побудительная причина, заставлявшая его настаивать перед Львом III о согласии на изменение Никеоцареградского символа. Причину эту, кажется мне, нетрудно открыть. Вся деятельность Карла заключалась в осуществлении носившегося в душе его идеала - всемирного христианского государства, в котором вся высшая, как светская, так и духовная, власть сосредоточивалась бы в лице императора: идеал того цесаропапизма, которым иностранцы любят укорять Россию. Возвышая значение во всем обязанного ему, им благодетельствованного, им держащегося против многочисленных врагов папства, он думал возвысить собственные свои власть и значение. Для этой цели было необходимо, чтобы и церковь так же, как государство, была свободна от всякого внешнего влияния, или вмешательства. Но могла ли она таковою считаться, когда папа был только одним из пяти вселенских патриархов, когда для установления или изменения не только догматов веры, но и общих норм богослужения и канонического церковного порядка нужен был авторитет вселенских соборов, которые до того времени всегда собирались на Востоке, или, по крайней мере, согласие высших иерархов Востока? Одним словом. Карлу нужно было то, что мы теперь называем государственною церковью, и для установления ее он воспользовался зародившеюся на Западе догматическою разницей совершенно в тех же видах, в которых впоследствии Генрих VIII отделил англиканскую церковь от римской. Католичество, которое, как показывает самое имя его, присвоивает себе по преимуществу вселенский характер, получило, однако же, истинное свое начало именно из стремления Карла создать для своего государства самостоятельную государственную церковь, отделив ее от вселенской.

По искреннему ли убеждению в непозволительности изменять вселенский символ или по желанию сохранить себе точку опоры против все подчинявшей себе императорской власти. Лев III, как известно, не согласился на настойчивые требования Карповых послов. Несмотря на такое сопротивление папы, новый лжедогмат, однако же, утвердился, чего, конечно, не могло бы быть, если бы во всем западном духовенстве, то есть во всем просвещенном слое тогдашнего общества, не господствовал тот дух насильственности, который ничего знать не хочет, кроме своего личного убеждения, хотя бы дело шло о таком предмете, в котором, по самой сущности дела, это убеждение должно быть некомпетентным.

То же самое видим мы при проповеди христианства апостолами славян, св. Кириллом и Мефодием, в Моравском государстве. И здесь противодействие славянской проповеди исходило не от пап, а от немецких епископов. Папы неоднократно покровительствовали и даже уже после Николая I одобряли чтение символа без *filioque*. Наконец, сама фабрикация подложных Исидоровых декреталий, основание будущего католического здания, произошла не от пап, даже не под их влиянием, а совершенно от них независимо, с целью усиления епископской власти в ущерб местных областных митрополитов. Я привожу это в доказательство того, что католицизм возник и утвердился не столько вследствие папского честолюбия, сколько от насильственного характера западного духовенства, видевшего в себе всё, а вне себя ничего знать не хотевшего. Паны, конечно, воспользовались таким выгодным для себя направлением и, опираясь на него, стремились уже подчинить себе и Восток.

Дальнейшая религиозная история Европы подтверждает то же самое. Если бы не общий дух насильственности германо-романских народов, откуда взялся бы несвойственный христианству прозелитизм, огнем и мечом принуждавший креститься племена Восточной Германии еще при Карле Великом, а при последующих императорах и северо-западные славянские племена? Откуда эти рыцарские ордена, Тевтонский и Меченосцев, внесшие насильственную проповедь к Литве, к латышам и к эстам и закрепостившие себе имущество и личность этих народов? Где бы взяли папы средства для кровавого подавления альбигойцев и вальденцев? Откуда наwerbвала бы Екатерина Медичи убийц Варфоломеевской ночи? Могли ли бы, без насильственности в самом народном характере, явиться ревнители папства, часто более ревностные, чем сами папы, распространявшие и защищавшие его господство тонким насилием иезуитизма и грубым насилием инквизиции? Но лучшим доказательством, что не католицизм как христианское учение, так сказать, извне навязал характер насильственности на всю религиозную деятельность европейских народов, служит то, что и там, где протестантизм, имеющий притязание на учение свободное по преимуществу, заменил собою католичество, мы не видим в его последователях большей терпимости. Кальвин сжигает своего противника Серве не хуже какого-нибудь Констанцкого собора; англичане гонят одинаково как католиков, так и пресвитериан; пуритане представляют собою образец религиозной нетерпимости. Но ведь это, скажут мне, все дела давно минувших дней, результат грубости, варварства, и не подает ли теперь Европа, не только протестантская, но и католическая, пример религиозной терпимости - совершенного невмешательства в дела человеческой совести? Правда. Но когда же случился этот спасительный переворот? Не раньше, чем когда вообще религиозный интерес отступил на второй, третий, четвертый, одним словом, задний план и стушевался перед прочими интересами дня, волнующими европейское общество. Когда религия потеряла большую часть своего значения, так сказать, потеряла свой общественный характер, перестала быть *res publica*, удалившись в глубь внутренней семейной жизни, тогда немудрено было сделаться наконец терпимым в отношении к ней, то есть, в сущности, равнодушным, по пословице: "На тебе Боже, что нам негоже".

Насильственность как коренная черта европейского характера через это не уничтожилась. Гони природу в дверь, она влетит в окно. Когда явился новый предмет, сосредоточивший на себе главный интерес общества, в нем должны были по преимуществу проявляться и все черты народного характера. Еще религия не потеряла своего первенствующего значения для европейского общества, как внимание его было обращено на отдаленные морские открытия, обещавшие обширное и выгодное поле действия всем предприимчивым людям, которые к нему обратятся. Колониальные завоевания и колониальная политика составляли главные интересы европейских народов одновременно с реформацией и долго после нее. Земной шар оказался тесным для честолюбия Испании и Португалии, понадобилось разделить его демаркационной линией. Подвиги конкистадоров слишком известны, чтобы нужно было на них останавливаться; притом же они могут быть истолкованы грубостью, алчностью искателей приключений, принадлежавших нередко к отребьям человеческого общества. Да и не это желал бы я выставить на вид; для своей цели я должен ограничиваться самыми общими крупными чертами, в которых, так сказать, замешано все общество. И факт достаточной крупноты представляет нам торговля неграми: охота за людьми, упаковка их как товар, выбрасывание десятками за борт, тяжелое

рабство миллионов! Несмотря на разведение негров на людских заводах и на крепкую природу их, они не могли выдерживать тяжести неволи, безудержного труда, и потому должны были быть непрестанно пополняемы из Африки, не оскудевающего их источника. Другого, столь же крупного, факта не представляет всемирная история. Чтобы найти ему некоторое подобие, конечно, в микроскопически малых размерах, надо обратиться к тем разбойничьим государствам, которые существовали в некоторых городах Сицилии и южной Италии, во время борьбы греков с Карфагеном и в начале Пунических войн.

Но если это и не дела давно минувших дней, то, во всяком случае, принадлежат прошедшему; а главное, зло уничтожено, или, по крайней мере, значительно ослаблено самими же европейскими филантропами. Я и не думаю уменьшать ни заслуг великодушных людей, которые, подобно Вильберфорсу и Букстону, употребили всю жизнь свою на противодействие и борьбу с вкоренившимся злом, ни заслуг Англии вообще в ее деятельности к прекращению постыдного торгова. Согласен считать неосновательными те объяснения, которыми старались набросить тень на бескорыстие Англии в усилиях и пожертвованиях, ею деланных с этою целью, и охотно принимаю, что самая сила зла вызвала против него великодушную реакцию, но факт столетия продолжавшегося беспримерного насилия все-таки остается и не чем другим не может быть объяснен, как насильственностью в самом характере, так как эта торговля не была каким-либо правительственным политическим действием, насильно навязанным народам, а делом, в котором добровольно принимала участие значительная часть общества - вся та часть его, которая имела в нем какой-либо интерес. Однако же если торговля неграми прекращена, или почти прекращена, если даже негры в большой части колоний и колониальных государств освобождены, то не проглядывает ли та же торговля людским товаром и в вольном найме "кулиев"?

Главный интерес европейских народов, после того как прошла колониальная горячка, обратился на вопросы гражданской и политической свободы. И опять насильственность характера проявилась не в меньшей силе, чем в религии и в колониальной политике. Неустоящая действовать гильотина, лионские расстреливания картечью, нантские потопления, внешние войны, которыми проповедовались с мечом в руках равенство, братство и свобода, точно так, как некогда христианство Карлом Великим и рыцарскими орденами: что же это такое, как не нетерпимость, не насильственное навязывание своих идей и интересов во что бы то ни стало? И тут не так ли же, как у иезуитов, господствовало правило, что цель оправдывает средства, - эта истинная формула насильственности?

Но и революционный дух улегается, политический интерес отступает на второй план, хотя и не на столь далекий, как религия, и снова первую роль играют интересы материального свойства, интересы торговли и промышленности. Это интересы по самому существу своему личные и не допускают, казалось бы, насильственности в своем применении. И, однако же, и европейская торговля, эта мирная проводница цивилизации, представляет уже в наш просвещенный и гуманный век пример насильственности, столь же единственный в своем роде, как и торговля неграми. В начале сороковых годов Англия прокладывает пушками путь отраве в Китай. Неужели все конквистадоры, лигисты, инквизиторы или террористы на волос хуже, на волос более насильственны, чем цивилизованные купцы, заставляющие целый мирный и почтенный уже одною своею древностью народ стравливаться нравственно и физически в угоду своим коммерческим выгодам? Святость или величие интересов, во имя которых неистовствовали первые, составляет скорее в их пользу извиняющее обстоятельство, если только подобные насилия могут иметь какое-нибудь извинение.

Не так же ли насильственно отношение западных государств к угнетаемым Турцией славянским народам? Эгоистический интерес, даже ложно понимаемый, заставляет их всеми мерами величайшей несправедливости противиться освобождению этих несчастных народов - противиться даже с оружием в руках. Интересы религии требовали некогда Варфоломеевской ночи, интересы свободы - сентябрьской резни и неустанно действующей гильотины; интересы политического равновесия и неизвестно кем угрожаемой цивилизации требуют теперь

сохранения турецкого варварства, и свобода, жизнь, честь славян и греков приносится в жертву этому новому Молоху.

Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., - материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, - которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, - которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно - чтобы не сказать невозможно - перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь. Уж и теперь не поздно ли, не упущено ли время? Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели, не все ли средства хороши?

Тут даже нет ничего сознательного, в чем бы Европа могла дать себе самой беспристрастный отчет. Причина явления лежит глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели; ибо в общих, главных очертаниях история слагается не по произволу человеческого, хотя ему и предоставлено разводиться по ним узоры. Что вело древних германцев к непрерывным нападениям на Рим? Говорят, что юг имеет непреодолимую прелесть для сынов севера. Не нужно обширных этнографических сведений, чтобы видеть, что это совершенно несправедливо. Ежедневный опыт удостоверяет, что каждый не кочующий народ, - а германцы во время войны с Римом были уже оседлы, - в первобытное время столько же, по крайней мере, как и впоследствии, имеет почти непреодолимую привязанность к своей родине, к своему климату, как бы он ни был суров, к окружающей его природе, как бы она ни была бедна. Юг для народов севера имеет в себе что-то убийственное. Возьмите для примера хоть поселение русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленный своей собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности. Не приманка юга, а какая-то ненависть влекла народы на гибель Риму. Почему так хорошо уживаются вместе и потом мало-помалу сливаются германские племена с романскими, а славянские с финскими? Германские же со славянскими, напротив того, друг друга отталкивают, антипатичны одно другому; и если где одно замещает другое, то предварительно истребляет своего предшественника, как сделали немцы с полабскими племенами и с прибалтийскими славянскими поморянами. Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. Куда девается тут беспристрастие взгляда, - которым не обделена, однако же, и Европа, и особенно Германия, - когда дело идет о чуждых народностях? Всё самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации.

Такая, вот, точка зрения... точнее говоря, такой методологический подход в оценке хода истории и развитии цивилизации. С чем-то можно соглашаться, а что-то может и не нравиться... Например, не есть ли «насильственность» такой чертой, которая присуща всему роду человеческому? С другой стороны, действительно, сложно объяснить, почему в одинаковых исторических условиях люди разных национальностей действуют не одинаково? – Люди творят историю? – Тогда, зависит ли

история от национальных особенностей этих людей, или нет? – Мнения могут быть разными... и оценки подхода Н. Данилевского тоже могут кардинально отличаться... Но сказать хочу о другом... Хочу сказать о том, как мало мы вчитываемся и вдумываемся в рассуждения русских мыслителей и как много уделяем внимания представителям других народов. – Одни, с религиозной восторженностью и почитательностью, изучают и рассматривают каждую точку, скобку или запятую в трудах Маркса или Энгельса. Каждое их слово, каждая их мысль воспринимается «истинными марксистами» как откровение, как слово истины, пронзающее пространства и столетия. Ничего иного они не видят и видеть не хотят – они живут в этом иллюзорном мире, закрывши ставни, дабы не видеть реальную жизнь и ход реальной истории. – Другие, напротив, уже давно забыли эти «опровергнутые теории». Но, ведь, и они с презрением относятся к мыслям русским... Они все щеголяют перечнем и перечислением иноземных имён, иностранных слов и словечек. Вся эта политическая или интеллектуальная «элита» засыпала информационную среду именами инородцев и ссылками на множество инородных теорий, откровений и пророчеств. Любая интеллектуальная посредственность иноземного происхождения восхваляется ими до небес и почитается как гениальность. Любое западное имя – уже теория и тема для обсуждения. Любое ничтожество западного производства превращается ими в исторического пророка, постигшего все тайны будущего. Весь наш язык пересыпан чужеземными понятиями и терминами, ибо только смутностью и неопределённостью новейших терминов вся эта «современная мысль» может скрыть свою известную и устаревшую дурь. Все они – на острие мировой мысли. Они все впереди эпохи! – Они всё знают. Они всё читали. И всё конспектировали! – А зачем вообще что-то читать?! – А затем, что от этого чтения ПОЛЬЗА для понимания и для развития мозга возникает. – А, вот, с этой точки зрения, совершенно выявляется очевидным, что даже ежели они что и читали, то ПОЛЬЗЫ их интеллектуальным способностям это не принесло. И на многих примерах это заметно! Потому иногда и полезно углубиться в русскую старину... углубиться и изумиться!.. Можно различно относиться к Н. Данилевскому, но непредвзятый взгляд должен кое-что увидеть. А увидеть он, этот взгляд, должен удивительную пронизательность и «пророческий» взгляд в будущее. Труд, завершённый в 1868 году, не предсказывает ли нам наиболее возможный ход истории? Разве, с точки зрения Н. Данилевского, Мировая война или интервенция Запада на Восток являются чем-то неожиданным и исторически внезапным? – Нет, это закономерно. – И из этого анализа хода истории, сделанного Н. Данилевским, разве не вытекает возможности возникновения европейского фашизма и разве это не произошло? Разве, с этой точки зрения, возникновение германского фашизма и явление А. Гитлера являются некоей неожиданностью и случайностью? Разве нет в этом закономерности и исторической неизбежности, о которой говорит Н. Данилевский? – Или «нет пророков в своём Отечестве»? – Нет, и быть не может?! – А БЫТЬ может только «элита»?!

Но вернёмся к самой теме разговора и теперь от «хождения» к предкам вернёмся в современность, попытавшись увидеть решение проблемы в современных научных подходах к пониманию вопроса: кто такие русские?..

Итак, посмотрим, как отвечает на этот вопрос один из жителей, так любимых всеми нами, Соединённых Штатов Америки. Этот человек уже 20 лет живёт в США и двенадцать лет был профессором биохимии Гарвардского университета. – Этот «американец», занимающийся наукой и бизнесом, весьма и весьма критично относится к СССР и социализму. Впрочем, это не мешает ему считать себя РУССКИМ человеком. Посмотрим, что он нам поведаёт об этом вопросе. – Разумеется, интересно, как современная наука отвечает на вопрос: что есть человек в этническом смысле? – Если коротко, то ответ можно найти здесь: <http://www.lebed.com/2006/art4606.htm>
Для тех же, кто ещё умеет читать целые книги, нужно сюда:

<http://aklyosov.home.comcast.net/~aklyosov/>

Здесь можно ознакомиться с информацией об авторе и многом другом.

Итак. - Анатолий Клёсов, «Происхождение славян и других народов», 2011год. – Фрагменты. -

У каждого из нас «на манжетах ДНК», в негенных областях ДНК, там, что иногда называют «никчемные участки ДНК», или даже «мусорные участки ДНК» находится записная книжка человечества. В ней в виде набора особых последовательностей нуклеотидов записана история наших предков на тысячи и десятки тысяч лет назад. Скорее всего и на миллионы лет назад, но у нас словарный запас маленький, и так глубоко мы читать еще не умеем. Эта история в наших ДНК усыпана реперными отметками по шкале времени, и эти отметки, или насечки, даны мутациями в ДНК. Каждая из этих мутаций происходит раз в несколько тысяч лет, так что привязка истории по времени уже в некоторой степени есть. Этот язык «записной книжки» ДНК уже переведен нами в некие символы, и последовательность этих символов называется гаплотипом человека. У каждого – свой гаплотип, который можно назвать «паспортом», индивидуальным паспортом каждого человека.

Этот паспорт передается по наследству, мужской «паспорт» - мальчикам при рождении, женский «паспорт» - девочкам. Эти «паспорта», или гаплотипы, не имеют ничего общего с генами, и вообще с генетикой человека. Мутация в генах, не говоря о хромосомных aberrациях, не дает, как правило, ничего хорошего. Или выкидыши, или, если человек родился, наследственные болезни, ранняя смерть. Мутации же в тех самых «генеалогических» гаплотипах организму просто незаметны.

Итак, наследственный ДНК-паспорт у каждого из нас называется гаплотипом. У каждой этнической группы – набор своих гаплотипов. У каждой подгруппы – тоже. У каждой семьи – тоже, у матери и дочерей – свой гаплотип, у отца и сыновей – свой, практически одинаковый. «Практически» - потому что мутации иногда проскакивают и от отца к сыну, но редко, раз в десятки поколений. Чем больше число символов в паспорте – тем выше разрешение, от этнической группы (на самом деле это не совсем этническая группа, это носители одной генеалогической линии, которая может включать тысячи и миллионы человек) и до конкретной прямой родственной линии.

ДНК-генеалогия не «вписывает» и не «выписывает» кого-либо в русский народ, как и в остальные народы. Народ – это относительно недавнее образование, обычно не более одной-двух тысяч лет, а ДНК-генеалогия оперирует многими тысячелетиями, а порой и десятками тысяч лет. ДНК-генеалогия оперирует родами (в терминах этой науки – гаплогруппами), которые произошли от одного общего предка. Каждый род имеет характерную мутацию в ДНК ВСЕХ членов рода, и общий предок – это тот, у которого эта мутация впервые появляется, и которая наследуется всеми членами рода, в ходе тысячелетий.

Под славянами в контексте их происхождения я буду подразумевать праславян. И, как будет видно из последующего изложения, этот контекст неразрывно связан с «индоевропейцами». Последнее – чудовищно неуклюжий термин. Слово «индоевропейцы» - просто издевательство над здравым смыслом. На самом деле есть «индоевропейская группа языков», и история этого вопроса такова, что два столетия назад было обнаружено определенное сходство между санскритом и многими европейскими языками. Эту группу языков и назвали «индоевропейской», в нее входят почти все европейские языки, кроме баскского, угро-финских и тюркских языков. Тогда не знали причин, по каким Индия и Европа вдруг оказались в одной языковой связке, да и сейчас не очень-то знают. Об этом речь тоже пойдет ниже, и без праславян здесь не обошлось. Но нелепости дали ход тогда, когда самих носителей «индоевропейских языков» стали называть «индоевропейцами». То есть, латыш и литовец – индоевропейцы, а эстонец – нет. И венгр не индоевропеец. Русский, живущий в Финляндии и говорящий по-фински – не индоевропеец, а когда он переходит на русский, сразу становится индоевропейцем. Иначе говоря, языковую, лингвистическую категорию перенесли на этническую, даже по сути генеалогическую. Видимо, считали, что лучшего выбора нет. Тогда, возможно, не было. Сейчас – есть. Хотя, строго говоря, это термины лингвистические, и говоря одно, лингвисты подразумевают - другое, а путаются – уже третьи.

Итак, примерно 3700±200 лет назад жил общий предок славянских финно-угорских носителей N1c гаплотипов. От него пошли семь генеалогических линий, базовые гаплотипы которых приведены выше. Все они разные, и каждый мог соответствовать патриарху отдельного славянского племени. Какие у тех племен были названия, и были ли они – мы пока не знаем. Но то, что эти племена реально существовали – это вполне вероятно. Не исключено, что приведенные в начале статьи названия славянских родов могут быть поставлены в соответствие найденным базовым гаплотипам.

Славянский первопредок, гаплогруппы R1a1, восточных славян, жил 4800±500 лет назад, как было показано в предыдущем рассказе, то есть на тысячу, а то и более лет раньше. Славяне гаплогруппы R1a1 двигались на среднерусскую равнину с запада – с Дуная, с Балкан, с Карпат. Финно-угры, они же уральцы, они же алтайцы двигались по своей дуге с северо-востока, а ранее – с юга Сибири. И так получилось, что сошлись на северо-востоке, в районе будущих Новгорода-Иваново-Вологды, и образовали союз, ставший угро-славянским, а потом и русским, в первой половине первого тысячелетия нашей эры, а возможно, и намного ранее. По оценкам, восточных славян было вчетверо больше, чем финно-угров, или это сейчас восточнославянских потомков настолько больше. Так или иначе, особой вражды между ними не было, была мирная ассимиляция. Так что девять восточно-славянских племен и семь финно-угорских – это на самом деле было не 16 племен, а, возможно, те же девять племен, или чуть больше. Мирное существование.

Ожидать, что юго-западные племена и племенные союзы имели много носителей гаплогруппы N (и N1c, в частности), не приходится. И сейчас имеется заметный нисходящий градиент гаплогруппы N1c от Карелии-Финляндии к средней полосе России. Вот как этот градиент выглядит в процентном изложении по упомянутым областям Российской Федерации с севера в южном направлении (карта приведена в предыдущем рассказе):

Архангельская 26%
Вологодская 13%
Новгородская 28%
Ивановская 23%
Тверская 9%
Рязанская 8%
Смоленская 14%
Брянская 16%
Пензенская 10%
Орловская 12%
Липецкая 11%
Тамбовская 6%

Зависимость нечеткая, размытая, но в целом идет на понижение. И это не удивительно, так как трудно ожидать, что потомки древних племен так и продолжают компактно жить на своих территориях. Войны, переселения, ссылки, раскулачивания, служба в армии, гигантские передвижения масс не могли не привести к перемешиванию племен и их потомков. Одна вторая мировая война сдвинула с места миллионы людей, миллионы погибли, миллионы оказались в плену, миллионы в ссылках и лагерях. И вряд ли кто разбирался, кто там восточные славяне, а кто финно-угры.

Собственно, название это сделано умышленно, чтобы подчеркнуть, что пассы в отношении «финно-угорского происхождения» современных русских – это неверно, да и просто глупо. И не потому, что «финно-угорские» - это что-то предосудительное, а просто потому, что нет такого

происхождения. Нельзя произойти от языка. Естественно, могли быть, и были поселения, которые могут классифицироваться как «финно-угорские», но здесь исследователи совершают некоторую подмену, перенося языковые понятия на этнографические, и наоборот. Не говоря уже о понятиях и критериях археологических. И вот, когда как будто уже и нет достаточного винегрета понятий, которые обсуждаются специалистами в рамках разных парадигм, в эти понятия стремительно вошла ДНК-генеалогия, привнеся дополнительную координату. А именно, метку древнего рода, под названием «снип», определяющую гаплогруппу, которая и является определением древнего рода. Причем в отличие от национальности, записанной в паспорте, и которую всегда можно поменять, в отличие от языка, который со временем ассимилируется, адаптируется к окружению, в отличие от этнографических факторов, тоже порой подверженных довольно быстрым изменениям, гаплогруппа не ассимилируется. Она определяется «рисунком» мутаций в ДНК, причем в мужской Y-хромосоме ДНК, которая передается от отца к сыну сотнями и тысячами поколений. В результате довольно простых и надежных тестов можно определить, к какому роду принадлежит любой человек. Оказалось, что для людей, говорящих на языках финно-угорской группы (или потомков тех людей), и живущих на севере России (а также в Финляндии, Швеции, и других прибалтийских странах), характерна гаплогруппа N1с. Если остановится только на русских, то таких по всей России в среднем 14%, но на севере России значительно больше. В предыдущем рассказе описывалось, что совсем недавно были опубликованы результаты тестирования 539 жителей двенадцати областей Российской Федерации – Архангельской, Брянской, Ивановской, Липецкой, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской и Вологодской. Как принято у специалистов, для тестов отбирали только тех, кто не менее трех поколений жил на этой территории (то есть отец, дед, мать и бабушка родились в данной области), чтобы все четверо предков были этническими русскими, и чтобы родной язык был русским, и чтобы тестируемые не были родственниками по крайней мере в третьей степени родства. Это – стандартные требования в исследованиях такого рода. Далее, были сделаны специальные ДНК-генеалогические тесты на принадлежность к определенным родам. Оказалось, что из 539 человек 257 оказались восточными славянами, гаплогруппа R1a1. Это – 48% от всех русских по данной выборке. Данная цифра воспроизводится от выборки к выборке, и совсем недавно была опубликована независимая работа других авторов, в которой ДНК тестировали у 1228 русских, и нашли, что гаплогруппу R1a1 имеют 567 человек, то есть 46%. На втором месте по численности – южные и балтийские славяне (объединены), гаплогруппа I. Их 118 человек, то есть 22%. На третьем месте – финно-угры, N1с. Их 76 человек, то есть 14%. Действительно, другие исследования показывают, что носителей N1с от 36% на севере России и 16% в средней полосе до 10% на юге. Как я уже рассказывал, авторы исследования – этого и других – историю не трогали. Обычно подобные исследования обсуждают тенденции распределения гаплогрупп с севера на юг и с запада на восток, но мутации, их скорости, и соответствующие исторические параллели и меридианы не затрагивают. Это уважаемые ученые еще не освоили.

Давайте мы термин «арийцы» оставим нацистам в его испорченном смысле. Пусть будут арии. Так вот, когда арии (или будущие арии) продвигались к Индии-Ирану, они оставили многочисленное потомство в Средней Азии. Жили они там, а не просто продвигались. Это – так называемая андроновская археологическая культура, 4300-3000 лет назад. Раскопки и показали, что это были в основном R1a1, предки половины современных этнических русских. Арии. От них множество жителей Средней Азии, в том числе многие таджики и киргизы, унаследовали арийскую гаплогруппу R1a1, и «арийское происхождение». Так что ариями (в историческом смысле) их вполне можно назвать. А в Таджикистане вообще культ ариев, они недавно праздновали год арийской цивилизации, Президент страны выступил с докладом про ариев, вполне научным. Разбор этого доклада тоже есть в моей книге «Интернет».

Посмотрим на гаплотип Чингиз-хана (это - монгольский модальный гаплотип, приписываемый альфа-самцу, Чингиз-хану). Он для меня интересен вдвойне. Согласно молве, татаро-монголы, пройдя Русь огнем и мечом, сильно изменили генетический профиль русского народа, за исключением северных русских. Ну-ка, посмотрим, есть ли в моем гаплотипе монгол. Поскольку генеалогический рисунок Y-хромосомы передается только по мужской линии, всего один монгол за триста лет ига оставил бы неизгладимый след в своем потомстве. В общем-то я уже знаю путь моих прямых предков из Африки в Черноморские и Каспийские степи Европы, о чем расскажу позже, и в Монголию их не заносило, но все-таки... Итак, гаплотип Чизгиз-хана:

15 - 14 - 25 - 10 - 11 - 13 - 11 - 10 - 26

Мой гаплотип отстоит от него на 13 шагов. Еще дальше, чем от Джефферсона. То есть не то что далеко, а дальше некуда. А если еще добавить маркер DYS#437=8 (у Чингиз-хана) и =14 (у меня), то получится уже 19 шагов в сторону. **Мои с монголами предки, судя по всему, только из Африки вместе выходили, да и то разными путями. Так что не повезло татаро-монголам с моими прабабушками, не дались они. Или молва преувеличивает масштабы тех событий.**

Ну, допустим, «монгол» как таковых не было, это более поздний термин. Но что это меняет? Ну, этих «монгол» было относительно мало среди завоевателей Руси того времени. Но что это меняет?

То, что «чистых русских нет» - это тоже непонятно, что автор имеет в виду. «Чистых» вообще никого нет, ни одной народности, всегда смешения нескольких родов. Но что это меняет? Это же всегда результат рекомбинации мужской и женской ДНК, и всегда были «иноземные примеси» - то жена турчанка, то француженка, то муж скандинав, или испанец, а то, как Ганнибал, дед А.С. Пушкина, вовсе эфиоп. И Пушкин, выходит, вовсе «не чистый». Дай нам Бог побольше таких «нечистых».

Три положения могли бы составить заключение настоящего исследования. Первое – что ДНК-генеалогия начинает служить науке. То, что еще несколько лет назад казалось каким-то развлечением, оказалось, дает истории, антропологии, археологии, лингвистике возможность проверить концепцию, рассмотреть данные под принципиально другим углом, связать воедино казалось бы разрозненные части общей картины наших знаний об окружающем мире. Второе - это исследование позволило решить целый ряд загадок, которые оставались загадками десятки, а порой и сотни лет. И это вовсе не потому, что автор такой знающий, а потому, что к его – и нашим – услугам оказался новый инструмент, ДНК-генеалогия. Оказалось возможным следить за передвижениями народов не с помощью лопаты и кисточки археолога, и не обмеряя черепа, и не хитроумно расплетая созвучия и значения слов в живых и мертвых языках, а просто прослеживая за метками в наших ДНК. Они, эти метки, не могут «ассимилироваться», или «поглощаться» другими языками, культурами, или народами, как это происходит тысячелетиями в рамках понятий истории, лингвистики, антропологии. Гаплотипы и гаплогруппы не ассимилируются. Их можно только физически истребить, но такое для всего народа бывает не часто. Гаплогруппы и гаплотипы упрямо пробиваются через любые ассимиляции, через тысячелетия, и не только пробиваются, давая нам знак о своем существовании, но и позволяют рассчитать время, когда жили их предки. И третье, что автор хотел бы особенно подчеркнуть, что он вовсе не принижает значение археологии, лингвистики, антропологии, и не пытается их заменить. Автор стоит на плечах гигантов в этих и других областях знания. Специалистами в указанных научных дисциплинах проведена совершенно колоссальная работа, без которой выводы настоящего исследования повисли бы в воздухе. Их было бы ни к чему примерить. Главная цель автора – показать возможности методов ДНК-генеалогии специалистам по другим направлениям истории человечества.

В этой статье можно было бы посвятить значительную часть интерпретации данных, полученных мной с помощью ДНК-генеалогии, а именно интерпретации в рамках истории, лингвистики, антропологии, этногеографии. Например, отметить, что данные радиоуглеродного анализа древних стоянок в Европе часто (или обычно) указывают на

времена 5800-6000 лет назад, как например 5820±130 лет назад в Польше, 5840±70 лет назад в северо-западной Англии, 5845±100 лет назад в северо-западной Ирландии по одним данным и 5500 лет назад в Шотландии по другим данным, и сопоставлять с данными по временам жизни общего предка рода R1a1, например, в Ирландии 5200±200 лет назад (см. выше). Но тогда надо пускаться в долгие обсуждения калибровок данных радиоуглеродного анализа, погрешностях методов ДНК-генеалогии, и о том, что стоянки – это одно, а выжившие предки, потомки которых живут в наше время – это несколько другое. Эти даты теоретически могут совпадать, и предки теоретически могли жить на древних стоянках с самого начала их, стоянок, существования, но более вероятно, что выживали и давали выжившее потомство не самые ранние обитатели стоянок. Но если все это обсуждать – это была бы не та статья, и задачи у нее были бы другими, и автор, скорее всего, был бы другой. Ясно, что времена жизни древних предков рода R1a1 примерно совпадают и с датировками соответствующих археологических культур на пути их, рода R1a1, миграций, и с радиоуглеродными датировками стоянок, а если эти датировки несколько раньше, то это легко объяснить тем, что далеко не все потенциальные предки выживали.

На самом деле удивительно, что современные потомки рода R1a1 (а о нем сейчас речь) ведут свои непрерывающиеся ДНК-генеалогические линии со времен древних неолитических, и порой даже палеолитических стоянок, и это можно напрямую видеть по записям в наших Y-хромосомах, гаплотипах, и по картине мутаций в них вычислять времена этих стоянок и времена миграций человеческих потоков. Конечно, есть соблазн отметить, или даже подчеркнуть, что даты жизни общих предков по всей Европе, найденные в настоящем исследовании с помощью ДНК-генеалогии, приходятся в большинстве своем на 4200-4800 лет назад, то есть на III тысячелетие до н.э., и это поразительно совпадает с данными историков. Как они пишут, именно в это время «закончилась индоевропеизация Центральной Европы земледельческими племенами индоевропейцев». Правда, не «индоевропейцев», а ариев, гаплогруппы R1a1. Те, кто пошли на восток, стали праславянами, кто на запад – стали... в общем, нет у них своего названия. Кто называет их собирательным именем кельты, кто – баски. Если обратиться к лингвистической классификации – то иберы, лигуры, аквитане, тирренцы и другие. Доля R1a1 на Британских островах минимальна, часто от нуля до 4%. На севере Шотландии – до четверти. На севере, в Скандинавии – около 20%, и градиентом на повышение – на восток, вплоть до трех четвертей в России, до двух третей в некоторых регионах средней Азии. Что заставило ариев двинуться на новые земли? Что вызвало почти непрекращающийся поток населения на новые территории? Честно говоря, это тоже не мой вопрос. Я бы предпочел, чтобы профессиональную интерпретацию этих данных делали профессиональные историки, антропологи, лингвисты. Они ответ знают лучше меня. Они пишут, что этот поток был вызван – и в свою очередь вызвал сам – новыми хозяйственными и техническими достижениями, в частности, молочным хозяйством, новой технологией обработки земель, одомашниванием лошади, созданием колесного транспорта. Еще – изменением климата, наступлением «периода определенного понижения температуры и переменного повышения континентальности, наступлением глобальной аридности климата в III тысячелетии до н.э.». Это в свою очередь «привело к понижению агроклиматического потенциала и не давало гарантированных урожаев». Но это опять не мой вопрос, не моей профессии. И не ДНК-генеалогии. Самое главное, что в содружестве с данными лингвистов, археологов, историков в настоящем исследовании оказалось возможным установить, что «прародина индоевропейцев» находилась как в Анатолии, так и на Балканах, так и на Русской равнине, и что в таком контексте понятие «прародины» вообще не нужно. Она растянулась в пространстве и во времени от Центральной Азии через Иран и Малую Азию до Европы, и замкнула кольцо через Русскую равнину и до Индии и Ирана. И все это было на протяжении практически 15 тысяч лет. Этот же подход позволил довольно детально, по времени и месту, проследить, как шла миграция ариев между 6000 и 4200 лет назад на северные Карпаты, в места загадочной трипольской культуры, в Центральной Европе, на британские острова, в Скандинавию, на славянские территории нынешних Венгрии, Чехии, Словакии, Польши,

Литвы, Германии, Украины, России, и далее по южным степям Украины и России на Южный Урал и далее в Индию и Иран, и на Ближний Восток, в Ливан, и на Аравийский полуостров, до Оманского залива. Он позволил вполне обоснованно предположить, что именно арии возвели монументы Стоунхенджа. Что это арии возвели городища на Южном Урале, названные сейчас Аркаимом, Синташтой, и страной городов. Этот метод позволил установить, что русские и украинские славяне имеют общего предка, жившего 4600 лет назад, что этот же славянский предок является и предком индусов того же рода ариев, которые насчитывают сейчас не менее ста миллионов человек. Индийские потомки продолжили род нашего праславянина, который жил 4050 лет назад, и продолжили этот род вскоре после того, как арии покинули Аркаим и Южный Урал. И мы уже, пожалуй, знаем, почему и когда его покинули. Этот метод позволил убедительно показать, что не «индоевропейские языки», а арийские, праславянские языки являются первичными. «Индоевропейские языки» - этот эвфемизм возник в свое время от непонимания того, что же связывает санскрит и его варианты, с одной стороны, и европейские языки, с другой. Теперь это стало совершенно ясно. Арийские языки – вот основа и европейских языков, и санскрита, и «индоевропейских» иранских языков. На Днепре, Доне и Урал-реке жили не «ираноязычные народы». Славяне там жили, праславяне, арии, и это был их язык. Это они принесли свой язык в Индию, Иран, Афганистан. Это – наши прямые предки. И вот теперь мы можем сказать, что мы их не забыли.

Только я бы внёс ясность в то, что такое Русское национальное движение. На мой взгляд, это движение, которое направлено на принципиальное повышение благосостояния, духовного и материального уровня русского народа, но не за счет принижения других народов, как в духовном, так и в материальном отношении. ДНК-генеалогия сама вряд ли поднимет материальный уровень народа, но духовный, интеллектуальный – безусловно. А это в свою очередь неминуемо поднимет материальный уровень. Своими историческими корнями интересуется только свободный, раскрепощенный человек. Раб своих корней не знает, ему они неинтересны.

Резкое увеличение количества сайтов может быть связано просто как с расширением интернета, увеличением доступа к нему, так и, действительно, с интересом к «русскому национальному вопросу». Но здесь палка о двух концах – часть из них действительно мусор и провокации, человеконенавистнические утверждения и призывы, а часть (хотелось бы верить, что подавляющее большинство) – направлены именно на то, что я обрисовал выше – на подъем духовности, национальной гордости (и это хорошее чувство, предки бы это одобрили) и братства между народами. Всегда лучше подниматься с народами вместе, чем топтать кого-то. Тогда подъёма на самом деле не получается.

Я бы не хотел ставить себя в пример, но я с удовольствием изучаю и славянскую ДНК-генеалогия, и у финно-угров, и у евреев, и у тюркских народов, и у многих других. И имею у всех хорошую репутацию. Плохо ли? Хотя славяне мне, конечно, ближе, у меня на 14 поколений вглубь, до 1575 года (куда я пока докопал) профессиональные военные, потомственный военно-боевой состав, гаплогруппа R1a1. Я в своем роду первый невоенный. Но ощущения не оставляют. Историческая память. - **А. Клёсов.**

Кстати, об исторической памяти... и об «ощущениях», которые «не оставляют»... Эти «ощущения» не оставляют и европейских учёных! – Если уж все в Европе стали «потомками ариев», если даже туркмены и таджики стали гордиться своими предками-ариями, нужно же что-то делать... И потому исследования европейских учёных приносят НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ФАКТЫ. – Что теперь выяснилось? – Европейские учёные установили и научно доказали, что половина мужчин, проживающих в Западной Европе, являются потомками египетских фараонов и, в частности, родственниками Тутанхамона. Биологи Европы анализировали ДНК, выделенную из мумифицированных останков Тутанхамона. В частности, они изучали так называемые гаплогруппы, которые наследуются совместно и поэтому передаются из поколения в поколение

практически неизменными. Ученые обнаружили на Y-хромосоме Тутанхамона гаплогруппу под названием R1b1a2 - она встречается приблизительно у половины мужчин из Западной Европы, а в некоторых странах доля родственников фараона приближается к 70 процентам (например, во Франции эту гаплогруппу несут 60 процентов мужчин, а в Испании - 70 процентов). Среди современных египтян доля носителей гаплогруппы R1b1a2 составляет менее одного процента. Исследователи полагают, что общий предок Тутанхамона и европейских мужчин, имеющих гаплогруппу R1b1a2, жил на Кавказе около 9,5 тысяч лет назад. Носители "фараонской" гаплогруппы начали миграцию в Европу приблизительно 7 тысяч лет назад. – Так то! – Если истинно арийское происхождение стало всеобщим, нужно становиться более величественными – нужно стать потомками Тутанхамона! – Теперь наступает эра европейского тутанхамонства и многочисленные европейские тутанхамончики теперь с гордостью и презрением будут взирать на недоразвитых азиопских простолюдинов. – Говоря словами аксакалов интернет общения: **наука ЖЖОТ!**